

Казачьи атаманы

В поисках белого героя

Новый взгляд на казачество в российской литературе
Валентин ГУМЕНЮК

Казачьи атаманы

Идеологи победителей в смуте времен 1991—1993 годов в попытках найти себе дополнительную опору в потомках казачества муссируют идею его «возрождения». Процесс «возрождения» скорее виртуальный, чем реальный, прерываемый шумными бутафорскими мероприятиями и появлением в концертных залах «казачьих фольклорных певцов», а на улицах или в залах — ряженных в казачьи одежды с крестами, купленными у антикваров или вырезанными из жести, с последующим погружением активистов и всей проблемы в летаргический сон. Параллельно в сознание масс в порядке вытеснения из него прежней литературы (А. Н. Толстой, Шолохов, Первенцев, Петров-Бирюк, А. Калинин, Закруткин) внедряются апокрифы наших современников, создающие образ этакого лубочного казака. Он, дескать, труженик и богатый собственник, но альтруист-нестяжатель, рыцарь по отношению к мужику, рабочему, иногородцу, гуманист-эзекутор, верный слуга царю и отечеству, смелый и стойкий дисциплинированный воин. Носитель самобытной культуры и самосознания, он тем не менее приемлет западные либеральные ценности и приемлем ими, потому что буквально для них и создан. Стал жертвой своего благородства, патриотизма и нестяжательства со стороны злых и чуждых ему и ненавистных на всех этапах коммунистов и глупого поступка в конце Второй мировой войны англичан и американцев, вообще-то ребят хороших и немеркантильных, но иной раз простоватых. Вот и продали они их, не подумав ни о прошлом, ни о будущем. А жаль! Ведь они, казаки, — этакий антикоммунистический монолит с вековой прочностью.

Сейчас среднестатистический студент, школьник, да и обыватель вообще, вам скажет, что казаки всегда были Советами тесными, слово «казак» было запрещено. А лучшие носители всех этих качеств — казачьи атаманы. А среди них лучшие из лучших Семенов, Краснов, Шкуро, Покровский, Анненков, Калмыков, Каледин, то есть как раз те, кто был наиболее проклинаем коммунистической пропагандой.

Источники знания — в основном публикации в СМИ, при этом читатель не помнит ни автора, ни источника, откуда он это взял. Из подобных произведений привлекают внимание в этом плане биографические книги А. Смирнова «Казачьи атаманы. Краснов, Семенов», «Каледин», переизданная зарубежная подделка под поэму Н. Вавилова «Мой святой генерал» (о Шкуро и Покровском). Среди эмигрантской литературы, вышедшей в последние годы, наиболее интересны автобиографические труды атамана Семенова «О себе», двухтомник «Трагедия казачества», включающая мемуары Краснова и Шкуро, Врангеля и воина фашистских казачьих формирований Донскова, где все они удостоены высоких оценок от издателей и комментаторов.

Менее панегиричны и даже критичны статьи о генералах-казаках или неказаках, но служивших в казачьих войсках или имитирующих свое казачество, в двух разных сборниках «Авантюристы гражданской войны» (Унгерн, Булак-Балахович, Бермонт-Авалов). Интересны для данной темы исследования В. Сироткина (кстати, хулителя большевиков за Брест и золото, отданное кайзеру Вильгельму) о судьбе колчаковского золота и причастности к ней Семенова. Уже на стадии написания статьи меня догнала книга кубанского атамана, затем фашиста В. Науменко «Великое предательство», где очень подробно описана судьба казачьих атаманов Краснова, Шкуро, терцев Вдовенко, Бичерахова, астраханца Ляхова, оказавшихся, как и Науменко, на службе у Гитлера.

Для меня существует еще один важный источник сведений о казачестве, его истории, обычаях, мировоззрении и судьбе — мой собственный жизненный опыт. Я вырос в окружении казачат на Кубани в семье вернувшегося с войны в кубанке и бурке с иконостасом боевых наград казачьего офицера из гвардейского корпуса Кириченко-Плиева. Встречался с боевыми казаками, имеющими ордена за Гражданскую и Отечественную войны, слушал доклады и приватные беседы стариков, перечитал массу литературы о казачестве во все времена и во всех ипостасях, вуз оканчивал в донской казачьей столице Новочеркасске и, живя на Дальнем Востоке, никогда не терял связи со своими пенатами. С детства воспитан семьей, средой и обстановкой в духе почетности звания «казак», но не воспринимаю по знанию дела тот сахарный образ из нынешних СМИ и новой исторической литературы, о котором сказано выше.

На базе анализа переизданной эмигрантской литературы последних лет с ограниченным привлечением апокрифов времен демократического общества и советской классики, а также сведений, полученных мною за счет общения с казачьей средой, попытаюсь написать портрет казачества и его элиты, ныне возносимой на пьедестал.

Казачество и центральная власть

Взаимоотношения казачества с властью на раннем этапе его становления были преимущественно антагонистичными. Люди, непокорные властям и помещикам, преступившие закон, скорые на решение и на подъем, переселялись подальше от властей и первоначально не знали иных источников существования, кроме охоты, сходящей постепенно на нет, рыбалки и набегов на соседей, проезжих купцов и на окраины самой России. С обращением казаков в российское подданство отношения из конфликтных превратились в неоднозначные. Ермак, Разин, Булавин, Пугачев в разной последовательности чередовали службу власти и бунт. Во времена Бориса Годунова атаман Корела со своим отрядом перешел к Самозванцу (об этом у Пушкина). Но он же склонил голосование Боярской думы в пользу Михаила Романова. Со времен Екатерины II бунтарский дух казачества поубавился, и в годы правления Николая II казачество стало регулярным карательным войском, усердствовавшим в рабочих предместьях, барских усадьбах и еврейских местечках и кварталах. В то же время думские фракции казаков в Первой и Второй думах, разогнанных царем и Столыпиным, занимали антиправительственные позиции на правом фланге социалистического фронта (фракция трудовиков), и их выразителями были донской писатель Ф. Крюков, терский атаман Караулов, погибшие в Гражданской войне. Такая позиция была обусловлена социальной природой казачества — сословным социализмом с общественным землевладением.

Главной причиной перехода основной части казачества к белым был земельный вопрос, а именно — нежелание делиться плодородными землями с пришлыми. Политические мотивы были для нее третьестепенными. Особо следует остановиться на приписываемой казачеству преданности царю. Ее не было ни на одном повороте истории в 1917 году, как не было и в Гражданской войне. Усиленно стараются забыть, что под монархическими знаменами в России не выступало ни одно вооруженное движение, кроме Хорвата на КВЖД и «воеводы» Дитерихса в 1921 году на Дальнем Востоке. Вожди белого движения Колчак, Деникин, Юденич, Врангель, Семенов были официальными сторонниками Учредительного собрания и в личном плане тяготели к республике. В армии Деникина (так пишут Деникин и Врангель) монархистом можно было быть в личном плане, но монархические организации были в подполье, члены царской семьи из армии удалены. Соболезнования Деникина по поводу расстрела царя и царицы вызвали скандал, вынудивший Деникина заверять подчиненных, что он соболезновал из чисто гуманистических соображений. Даже в монархических кругах считалось, что Николая II следовало судить «как капитана, посадившего из-за своей неподготовленности судно на мель».

С началом Гражданской войны, которая на Дону началась из-за земли, а не из-за общих принципов, казачество раскололось на два стана, из которого меньшая, но влиятельная часть пошла за красными. Наиболее знаменитыми из красных казачьих командиров были Сорокин и Кочубей на Кубани, Гикало на Тереке, Миронов и Ковалев на Дону, братья Каширины в Оренбуржье, Метелица и Балябин в Забайкалье, Шевченко в Уссурийском крае. Наиболее массовой поддержкой большевиков казачеством была в Забайкалье, где целые районы в лесном Приаргунье, населенные казаками, оставались под контролем большевиков, и в Приамурье, где даже принималось решение на съезде казаков об отказе от казачьего статуса. Н. Милушова, историк села Казакевичева, пишет, что в нем и в окрестностях преобладали тяга к большевикам и к отказу от казачьего звания. Вялой была поддержка белого движения в Хоперском и в Медведицком округах Дона — базе Миронова. В восточных войсках вялость была обусловлена тем, что в этих районах с некомфортными жизненными условиями казачьи привилегии не компенсировали тягот, которые налагали служебные обязанности. В годы советской власти в самосознании казачества произошел перелом, и в период Отечественной войны перевес красной идеи над белой среди казачества был просто разительным. На Дону, и особенно на Кубани, формировались добровольческие полки, даже дивизии и корпуса, в которые казаки вступали семьями и которые (формирования Кириченко, Плиева, Горшкова и других) покрыли себя неувядаемой славой.

Тяга к самостийности и бунту была неизбывной чертой казачьих лидеров, пронесенной через века. Впрочем, не миновала чаша сия и казачьих краскомов. В истории известен бунт главкома Сорокина, который не был идейным изменником советской власти и перехода к белым не помышлял, тем более что его семья была зверски уничтожена белыми. К разрыву с Советами его привели бонапартизм, личная распущенность и неспособность перенести многочисленность евреев в руководстве (председатель Совнаркома Рубин, первый секретарь Крайний-Шнайдерман, председатель ЧК Рожанский, члены руководства Дунаевский, Стельмахович

и другие), которых он и расстрелял вместе с несколькими чекистами вслед за таманским командармом Матвеевым.

Самостийниками зарекомендовали себя Автономов, первый красный главком на Кубани (А. Веселый «Россия, умытая кровью»), Кочубей (А. Первенцев «Кочубей»), об обоих — А. Мирошниченко «Авантюристы гражданской войны»). Взбунтовался и буденновский казачий комбриг Маслаков уже в конце польской войны. Самостоятельность проявлял и красный командарм Миронов, за что поплатился жизнью. Участием в бунтах против белых (как лидер вешенского восстания) и против красных знаменит сподвижник Миронова, а затем просто бандит Яков Фомин, описанный Шолоховым в «Тихом Доне».

Самостийность и бунтарство, органическая черта казачества и их вождей, не совмещаются с благостным образом законопослушного слуги Властей.

Казачество и гражданское население

В Гражданскую войну такая исторически сложившаяся тяга казачества «дуванить дуван» и «шарпать зипуны» была стихийно реанимирована, чему не слишком препятствовали, а то и прямо поощряли отцы-командиры как казачьи, так и общевоинские. Во всех казачьих войсках считалось нормой ограбить еврея, семью красного или сочувствующего ему. Последняя категория позволяла расширить по усмотрению воина круг поставщиков «трофеев» практически на все население.

Трудно было бы выделить представителей какого-то войска в качестве отстающих. Краснов в «Истории Всевеликого...» в числе экстремалов называет кубанцев, «жадных до наживы», и их вождей Шкуро и Покровского, «положившего в основу грабеж», и обеляет «Всевеликое Войско Донское». А вот Врангель («Воспоминания») и Деникин («Поход на Москву»), столь противоречащие друг другу во многих вопросах, описывают донцов практически одними и теми же словами. В частности, они обвиняют донской корпус Мамонтова в срыве общего наступления на Москву по Воронежско-Рязанскому направлению по причине увлечения имущественными вопросами. Как сообщает Деникин, за колонной донцов шел обоз длиной шестьдесят верст, в коем было по одной-две подводки на каждого казака, везомые обычно отцом воина и подростком-родственником. То же описано у Шолохова в «Тихом Доне», где отец Григория Мелихова прибыл за добычей на двух подводках и был страшно поражен и оскорблен непрактичностью сына, тем более при наличии возможностей, имевшихся у него как у офицера. Отягощенный таким обозом корпус Мамонтова отклонился от маршрута на север и двинулся на запад к Дону, где легче было разгрузиться. Длительные самоволки в тыл с награбленным добром здесь стали нормой, и корпус оказался небоеспособным.

Суперграбителями были части Шкуро и Покровского. Врангель, знавший Шкуро еще с Карпатского фронта, в своих «Записках» сообщает, что Шкуро (тогда носил фамилию Шкура), будучи командиром партизанской сотни, устраивал набеги в немецкий тыл с позиций полка Врангеля. Он и его сотня отличались полным отсутствием дисциплины и любовью к грабежу как в тылу противника, так и в своем собственном. За это Врангель и сочувствующие ему начальники выжили Шкуро с его сотней со своих позиций. Деяния Шкуро и Покровского были слишком хорошо известны всем. Именно поэтому, как сообщает в своих мемуарах врангелевский генерал И. М. Калинин («Под знаменами Врангеля». Ростов, 1991), Врангель не допустил их в Крым. Спасения чести мундира ради. Но Деникин («Поход на Москву». М., 1989) сообщает, что сами борцы за бескорыстие Краснов и Врангель при первом (1918) и втором (1919) штурме Царицына подбадривали в приказах подчиненных им казаков обещанием «щедрой добычи». Это легко сопоставить с современной песенкой: «Все отберут у казака. Гуляй пока!»

Деникин посвятил грабежу в основном казаков и горцев, да и добровольцев тоже, целую главу — «Черные страницы» в своих мемуарах. По свидетельству Деникина, Врангель сетовал: «Добровольческая армия сильно скомпрометировала себя грабежами и насилиями», а казаки, по тому же Врангелю, их опережали. Криминальный меркантилизм восточных атаманов Дутова, Анненкова, Калмыкова и особенно Семенова, а также Унгерна, был широко известен как в стране, так и за рубежом. Привычка к грабежу послужила одной из причин гибели всех перечисленных вождей, а сам Семенов («О себе») в Китае прятался от охотящихся за ним властей всех времен и окрасов, кроме марионеточной Маньчжоу-Го. В частности за ограбление американских компаний Семенов подвергался судебным преследованиям во время попытки осесть в США. Английский оккупант полковник Уорд, один из инспираторов колчаковского переворота, в своих мемуарах (в сборнике «Дело не получило благословения Бога») называет Семенова мятежным и разбойным атаманом.

Оценки деятельности казачьих атаманов, опубликованные в «белой» и зарубежной литературе, в рамках обсуждаемого вопроса не расходятся с таковыми в «красной» литературе.

Казачество и репрессии белой армии

Белое казачество считалось у руководителей белых очень эффективным инструментом репрессий, в том числе массовых. Именно казакам поручались карательные рейды на партизанские районы, в шахтерские и промышленные поселки и на станции, где преобладало рабочее население. Здесь особо преуспело воинство Анненкова, Булак-Балаховича и Пермикина, Дутова, Калмыкова и Семенова, который первым на Дальнем Востоке применил бессудные расстрелы, за что был приговорен к разоружению привыкшим к формальностям Хорватом (Семенов «О себе»). Семенов и Калмыков, по свидетельствам многих колчаковцев, предпочитали участие в репрессиях против партизан и мирного населения боевым действиям на фронте, вдали от родных мест, в частности на основном западном фронте. Воевавшие на европейских фронтах южного сектора казаки уступали в свирепости горцам, но не очень много, и превосходили обычную армию. У казачества (кубанцев, донцов и регулярно у Семенова) нередко проявлялась тенденция поголовного уничтожения пленных, особенно красных казаков (например, отряда Подтелкова). Калмыкову принадлежит сомнительная честь расстрела оркестра из военнопленных австрийцев в Хабаровске в 1919 году. Причина — ведь он же играл иногда на митингах «Интернационал»! Систематически уничтожались семьи «изменников», в частности красных командиров Сорокина и Миронова. Читателю книг Шолохова известно, что репрессиям были подвергнуты семьи Кошевого и Разметнова. Казаки Унгерна в Урге полностью вырезали семьи «жидов и коммунистов». Анненков прославился тем, что после ухода за границу предложил желающим сдать оружие и вернуться на Родину, даже поощрив за это семейных, а затем выслал вдогонку карательный отряд, который не оставил в живых никого. Сходно поступил и Калмыков в Казакевичево (Н. Милушова «Точка на карте Родины»). Дутовский начштаба полковник Енборисов, интеллигент и автор записок, приказал расстрелять своего сына — офицера, ушедшего к красным, а затем дезертировавшего с частью своего отряда из колонны Блюхера (Р. Гуль «Красные маршалы». М., 1993). Семенов не останавливался перед расстрелами пленных американцев, перехваченных у красных, за что был гоним в Соединенных Штатах («О себе»), и это его возмущало. Раз расстреливал, значит, было за что. У себя дома я и есть высший суд!

Отряд казачьего генерала Пермикина, перебазировавшись после поражения под Петроградом в Польшу под крыло Савинкова, устраивал набеги на порубежные районы Украины и Белоруссии с поголовным уничтожением коммунистов, совслужащих и просоветски настроенных лиц. Подробности этих набегов передает сам Савинков в книге «Конь вороной».

Атаман Дутов как Верховный атаман казачьих войск посещал дальневосточные войска. Во время инспекции у Калмыкова он пострелял с ним по живым мишеням. Самого Калмыкова американский главнокомандующий Гревс характеризует как человека, для которого нет преступления, какого бы он не совершил (см. в книге «Им не убить идеал!..»). Особой жестокостью отличался подчиненный Калмыкову уссурийский есаул Бочкарев. Именно он был исполнителем сожжения заживо Сергея Лазо и зверского убийства взятых вместе с ним Вс. Сибирцева и Луцкого, чьи трупы тоже были сожжены. Впоследствии, высадившись на севере Охотского побережья, он учинил грабежи и массовые убийства, чем вызвал вооруженное противодействие местного населения, в том числе гижигинских казаков. Именно с их помощью был разгромлен его отряд, а сам он уничтожен.

Сибирские казаки, руководимые Катанаевым, Волковым и Красильниковым, приняли вместе с юнкерами деятельное участие в подавлении эсеровского и большевистского восстания в предместье Омска Куломзино и в массовых расстрелах железнодорожных рабочих. Заодно с ними были на иртышском льду зарублены и сброшены под лед оставшиеся до того в живых депутаты Учредительного собрания, формально не порывавшие с белым движением, но попавшие под арест после свержения колчаковцами Директории. Широка слава Анненкова и Дутова.

Увы, не выглядят казачьи атаманы и их сподвижники «рыцарями без страха и упрека», гуманистами и моралистами, согласно штампам из современных СМИ. Лучше бы уж сказали так: время было военное, значит, так было можно.

Казачество внутри белого движения

Казачество, участвовавшее в белом движении, отличалось от других воинских формирований белой армии целым рядом специфических черт, как положительных (с позиции белого руководства), так и отрицательных. С одной стороны, именно казачьи округа стали оплотом белого движения, в котором в одних случаях инициаторами были сами казачьи атаманы (Урал, Оренбуржье, Приморье), в других случаях (Дон) казаки выступали вначале на вторых ролях. При этом казачество в большинстве случаев оказывалось расколотым на красное и белое. Красное казачество доминировало на Верхнем Дону, в станице Каменская и на ранних этапах на Кубани, в Забайкалье и Приамурье. Очень сильные отряды красных казаков контролировали и

значительные территории на Тереке, в Приморье, Приамурье и Забайкалье (юго-восточная часть), а кубанские (Кочубей) и оренбургские казаки (Каширин), как и хоперский отдел донцов (Мионов) поставляли на фронт крупные боеспособные формирования. Среди белых наиболее монолитными были казаки, живущие среди нерусских народов (астраханцы, уральцы, семиреченцы, павлодарская часть Сибирского войска), но это были самые малочисленные из войск.

Положительными чертами казачьих войск были высокая военная подготовка, как в строю, так и в одиночку, наличие личного коня и оружия, высокая мобильность и сплоченность, а также азарт, проявляющийся только в форс-мажорной обстановке. На стадии же упадка столь же ярко проявлялось массовое разложение. Эти черты обнаружались еще в дооктябрьский период, впервые в феврале, когда казачество отказалось разгонять демонстрацию, а казачий офицер убил пристава. Затем казаки отказались идти на Питер с Корниловым против Керенского в июле, ушли они из Зимнего дворца в октябре и вновь не пошли на Питер с Калединым и Красновым в ноябре. Казачество легко сдало белый фронт в конце 1918 года (вешенский мятеж Якова Фомина) и неоднократно сдавалось красным в других ситуациях. Впрочем, в этой войне боевая стойкость других белых и самих красных нередко была на той же высоте, и случаи массовых переходов не были редкостью. Но казаки своим поведением им укором не были.

Серьезным грехом казачьих войск было неисполнение приказов, что порождалось двумя причинами: 1. Нежелание воевать далеко от дома и историческая черта — стремление к грабежу, что срывало планы наступлений, в частности взятия Деникиным Москвы; 2. Самостийность политическая и оперативная, приводившая к серьезным трениям, вражде и даже междоусобной войне. Нередко такая самостийность инспирировалась иностранными государствами и переходила в прямую измену России.

Тягой к самостийности отличались многие атаманы, но в первую очередь Семенов и следующие за ним Калмыков и Унгерн, а также Краснов, Пермикин вместе с Булак-Балаховичем, не говоря уже о «казаке» Бермонт-Авалове, воевавшем за немецкие интересы против Булак-Балаховича и в его лице против белого движения вообще.

Фигурой, вызывавшей наиболее враждебное отношение к себе среди остальной части белого движения на всех этапах был, бесспорно, атаман Семенов. На Семенова падают, помимо собственных, еще и грехи его подчиненных — Унгерна и Калмыкова. Конфронтация Семенова с властями была перманентной и обусловленной бонапартистскими устремлениями Семенова, его фашизоидными воззрениями на народ, государство, право и откровенно антипатриотической прояпонской позицией. Япония его не только прикармливала, опекала, но и в силу своих феодально-милитаристских и колониалистских устремлений брала под свое крыло его кровавую диктатуру. Враждебные отношения между ним и государственными властями характерны для всех этапов Гражданской войны.

На раннем этапе, еще до установления власти верховного правителя Колчака, Семенов вступил в настоящий конфликт с правителем КВЖД генералом Хорватом. Последний — службист и поклонник устава, не мог принять ни существование полубандитских военных формирований с минимальной военной и гражданской ответственностью, с постоянно проявляющимся стремлением Семенова не признавать ни границ полосы отчуждения КВЖД, ни региональных границ Китая с Монголией, ни государственной границы с Россией, ни полного отвержения им субординации. Все эти «художества» атамана, как и ему подчинявшихся Унгерна и Калмыкова, осложняли жизнь КВЖД и ее правителя и вынуждали его принимать попытки дисциплинарных мер, правда, безуспешных. Хорват пытался разоружить и арестовать Семенова (см. Семенов «О себе») за первые на Дальнем Востоке политические казни комиссара Аркуса и авторитетного социалиста доктора Григорьева (последняя — руками Унгерна, но прикрытая Семеновым). В ответ Семенов сам разоружил хорватовскую милицию. Была попытка Хорвата разоружить и Калмыкова, пресеченная японцами. Хорват и Колчак из Шанхая осуждали Семенова за антикитайскую и прояпонскую позицию, оскорбляющую достоинство Китая и осложняющую их дипломатию, а также самовольную, но на деньги Японии, вербовку войск китайских милитаристов и монгольских князей для борьбы с Советами и участие японских войск в Забайкалье против Лазо.

При вступлении адмирала Колчака в должность начальника войск КВЖД Семенов, тогда молодой есаул, вел себя оскорбительно, заставив лицо на шесть чинов старше себя идти пешком к нему на встречу и ждать; он дважды заявлял о непризнании Колчака в качестве правителя (см. Семенов «О себе»; протоколы допросов Колчака). Выезд Колчака в Омск прошел скрытно от Семенова под защитой Антанты. Верховенство Колчака в результате военного переворота Семенов не признал, разорвав единое административное и военное пространство от Урала до океана. В ответ на это Колчак выслал карательную экспедицию, но из-за угрозы вмешательства Японии был вынужден «признать невиновность» Семенова. В дальнейшем Семенов,

вынужденно назначенный Колчаком своим заместителем в Забайкалье (уступка Японии), оставался неуправляемым для Колчака и омского правительства.

В предчувствии предательства Антантой и чехами, верховный правитель передал свои полномочия в Сибири Семенову, как единственному командующему, сохранившему свою территорию и нерасстроенные войска, что, правда, удалось ему, как доказывает белогвардеец-адвокат Андрушкевич («Дело не получило благословения Бога»), за счет саботажа фронтов. Этот жест Колчака не был признан ни каппелевцами, ни военными и гражданскими чинами на Дальнем Востоке, в частности правительством Меркуловых и сменившим их Дитерихсом. Среди колчаковцев исключение составили только Сахаров, в будущем поклонник фашизма, и Бангерский, в будущем Бангерскис, командир дивизии СС «Латвия».

После захвата красными станции Карымской, что означало окружение Читы, каппелевцы вели с ними переговоры о выдаче Семенова, и ему пришлось бежать из Читы на самолете. После разгрома Семенова в Забайкалье и бегства его через Китай в Приморье — в район Гродеково, он был встречен войсками правительства Меркулова в штывки буквально. Ранее подчиненные ему генералы Дитерихс, Лохвицкий, Вержбицкий, Петров заявили о неподчинении ему еще в Забайкалье, а Смолин и Молчанов — на Дальнем Востоке. Вели бой с ним и войска генерала Молчанова. Более того, генералы Вержбицкий, Смолин и Молчанов вступили даже в переговоры с ДВР о ликвидации Семенова и его войск общими усилиями, их остановила только угроза репрессий со стороны японцев. Где и когда еще видные генералы дважды пытались сдать своего противнику?! У Семенова тут нет конкурентов в истории. Об обеих попытках он сообщает читателю сам.

С собратом по Забайкальскому войску генералом Шильниковым, служившим после изгнания из России китайцам, его разделяла вражда, переходящая в военную конфронтацию на всех этапах войны и после нее. Так, сразу после того как Семенов при поддержке японцев воцарился в Чите, казачий атаман Шильников и генерал Красовский со своими частями немедленно откочевали подальше от параноика Семенова на побережье Байкала в подчинение к Колчаку, оставив разрыв по фронту шириной в пятьсот километров, немедленно заполненный красными партизанами (Семенов «О себе»). Контакт с Семеновым белые генералы считали более опасным, чем с красными.

Белые считали Семенова виновным в краже части колчаковского золота или, по крайней мере, причастным к этому. В его руки попали и бесследно исчезли 172 ящика золота (четвертый золотой эшелон Колчака). Об этом сообщает исследователь проблемы колчаковского золота В. Сироткин в книге «Зарубежное золото России», опираясь на судебные иски к японцам и исторические изыскания генерала Петрова, в прошлом семеновца, и других белых. И это было совсем не то золото, которое увезли с собой чехи. В причастности Семенова к этому похищению был убежден белый генералитет Сибири и Дальнего Востока. Эта версия для генералов и белых политиков запада России неоспорима, в нее верит даже белогвардеец младшего поколения фашистский слуга казак Донсков («Трагедия казачества», кн. 2). Обсуждаются лишь варианты: 1. Семенов отдал золото японцам; 2. Семенов сдал его на хранение, но японцы указали ему, как лакею, на свое место; 3. Семенов присвоил золото, скорее всего, часть его.

Но есть и история, достойная комедийного фильма с участием лучших клоунов, причем документально зафиксированная в японском суде города Кобе. У официального колчаковского атташе генерала Подтягина на счету в японском банке хранилось более одного миллиона золотых иен, кои он честно, будучи в нужде, хранил для белого движения. Когда ему пришлось покинуть Японию, Семенов в сговоре с японскими концессионерами, претендовавшими на золото якобы за долги, устроил спектакль. Концессионеры подали в суд, а ответчиком в суд явился японец, загримированный под Подтягина. Он был мягок и сговорчив и согласился на честный дележ — пятьдесят на пятьдесят. После суда «соперники» вспырынули мировую, а затем вместе пошли в банк. Дело было в жару, и тут у «генерала» потек грим, обнажив азиатскую его сущность. Далее были полицейский участок, суд (все тот же) и выдача инициатора — Семенова, обещавшего артистам пятнадцать процентов от суммы. Про этот балаган написано у того же Сироткина. Неисчислимы грехи Семенова даже перед своими.

Уголовником считал Хорват и Унгерна (дело доктора Григорьева). Неблагоприятные отзывы о нем как о человеке, нарушающем закон, оставил в своих «Записках» и Врангель, бывший в довоенные годы его прямым начальником. Показания немца-барона на немца-барона из своего же лагеря дорогого стоят. Но и на грабителя Семенова нашелся свой хитрец — Бочкарев, казак-грабитель и палач Сергея Лазо. Будучи посланным на север, он сбыв нагребленную пушнину, как жалуется Сахаров, на шакалившую там американскую шуну, а деньги положил в китайский банк на свой счет, а не передал войсковой казне. Судьба этих денег неизвестна, скорее всего они достались банку.

Арест Семенова советскими органами, суд над ним и казнь не вызвали возражений ни в одной стране и ни в одном общественном течении, исключая замолкнувший тогда фашизм.

Казачьи атаманы и еврейский вопрос

Еврейско-казацкие отношения в своей основе сложились еще до Тараса Бульбы и Богдана Хмельницкого, когда поляки передавали свои полномочия по управлению крепостными наиболее хватким евреям («панам арендарям»), добавляя к сему хранение ключей от православных храмов и свободу торговли. Реакцией были разные формы возмущения — от поджога частного владения или лавки до погрома, явно неадекватного, тысяч этак на двенадцать жертв в своей массе столь же бедных, как сами погромщики. О роли обеих сторон рекомендую читать Гоголя, историка Костомарова (от украинского населения) и изданных в наше время еврейских авторитетов-энциклопедистов Телушкина, Асиновского и Иоффе. Эти отношения, как историческая память, хранились теми и другими на Украине. В начале XX века в связи с активизацией социалистического и одновременно еврейского движения, нередко сливающихся, с еврейской проблемой столкнулись и российские казаки, несшие службу на Украине, в Молдавии и Белоруссии, где евреи населяли целые города и крупные предместья (одесская Молдаванка, киевский Подол).

Казаки выполняли жандармские функции при разгоне демонстраций, подавлении забастовок и баррикад и, воспитанные на тезе «враги веры, царя и отечества — жида и сицилисты», выполняли свое задание с усердием. Этому способствовал и материальный интерес к «жидовскому» добру. С особой силой эта враждебность вспыхнула в революцию и Гражданскую войну, когда евреи оказались в основном союзниками красных и в значительной мере источником идеологических кадров из числа еврейской бедноты и интеллигенции, а в верхах новой власти были и выходцы из имущих слоев, и еврейская интеллигенция — Троцкий, его сестра, Зиновьев, Рязанов, Сокольников и другие. Белые казаки вспомнили прежнее и ввели в обиход погромы. Впрочем, российских казаков здесь опережали в силу более долгой исторической памяти «сичевики» Украины. С этой стороны казакам тоже наносили удары, подчас неадекватные, примером чему явилось «расказачивание» на Верхнем Дону, педалируемое сверху Свердловым и Троцким (впрочем, последним недолго) и осуществляемое снизу местными партфункционерами Ходоровским, Френкелем, Гиком, комиссаром, впоследствии командармом Якиром и другими.

Ответное восстание казачества, поставившее республику в тяжелое положение, отход Троцкого от своей позиции и смерть Свердлова вынудили прекратить эту практику. Особую роль играли в «расказачивании» комиссары, семьи которых пострадали от погромов. Юрий Трифонов, сам сын комиссара-казака и политработницы-еврейки, описывает в романе «Старик» реальную личность — комиссара Мотю Брацлавского, устраивавшего свои погромы в отместку за гибель семьи в погромах от рук казаков и расстрелянного по приговору ревтрибунала. О нем же можно прочесть и в романе Знаменского «Красные листья». Надо сказать, что значительная часть евреев-коммунистов выступала против такой политики, в их числе командарм 10-й армии Сокольников, дважды нарком. Расказачивания не было в других областях России, а на Украине, наоборот, в «червонном казачестве» и у Котовского многие лихие конники еврейского происхождения занимали не только комиссарские, но и командные должности (краснознаменцы Лев Вайнер, Михаил Зиюк, Иосиф Дубинский, Раппопорт и другие).

Возвращаясь к нашим героям, отметим, что в той или иной степени юдофобией были поражены, пожалуй, все казачьи командиры. В реанимированном в 1992 году двухтомнике «Картины былого Тихого Дона» (П. Н. Донсков утверждает, что он написан анонимно Красновым в 1912 году) декларируется, что казачество в 1905 году вело праведную борьбу против «еврейско-социалистической Республики на юге России». Среди казачьих командиров наиболее отличались в этом отношении ныне прославляемые атаманы. Казаки Семенова в подчинении Унгерна сумели выискать и вырезать евреев... в Урге (Монголия). Почти поголовно уничтожались евреи Семеновым и Калмыковым во время всех их карательных акций и при пленении. Казаки под руководством Пермикина и казакующего батьки и атамана Балаховича занимались грабежом еврейского населения поголовно, а богатых евреев и их семьи заставляли под пытками выдавать ценности, которые затем шли в личную казну старшин, включая названных лиц.

Технологию решения «еврейского» вопроса очень подробно, со вкусом описывает «святой» генерал Шкуро в своих «Записках партизана». Вот подчиненные ему казаки перед строем пленных. Команда «Гей, жида, вперед!» Выходили не все. Но шкуровский казак всегда перехитрит любого хитрого еврея. Они далее проверяли наличие нательных крестов, а поскольку были доброхоты, отдававшие евреям свои кресты, то потом проверялось и обрезание. Всех подряд уничтожали атаманы Дутов и Анненков, а у последнего, среди предков которого были знатные дворяне, один из которых — декабрист, юдофобия переросла в чувство сословной гордости. Фурманов (см. «Мятеж»), сын еврея, крещенного во втором поколении, и русской, пишет,

что зажатый красными Анненков вел переговоры о сдаче. Но узнав, что капитуляцию принимает Фурманов, отказался: «Жиду не сдамся».

«Во всем виноваты жида», — таким был как в литературе, так и на практике, лейтмотив поведения казаков, перешедших к фашистам.

Унаследованная от царских исправников унгерновская триада «враги — жида, комиссары и коммунисты» в той же формулировке исполнялась казачьими офицерами, служившими Гитлеру во время Отечественной войны. Жидов-злодеев казачьи лидеры искали всегда и везде. В книге Науменко приводится его переписка с английскими офицерами по этому поводу. Ликвидация фашистского Казачьего стана с выдачей их Советам проводилась силами Шотландского полка, но казако-фашистские историки упорно приписывали это Палестинской бригаде, составленной из евреев. Остается непонятным равнодушие со стороны еврейских общин и лиц еврейского происхождения, не последних в бизнесе СМИ, к прославлению казачьих атаманов.

Казачьи атаманы и заграница

Иностранные государства сыграли важнейшую роль как в развязывании гражданской войны в России, так и в ее завершении. Гетманщина на Украине и активизация Краснова связаны с агрессией Германии, переступившей рамки Брестского мира, а бегство гетмана Скоропадского и изгнание Краснова с Дона — с выходом Германии из войны. Мятеж чехословацкого корпуса, «оседлавшего» железнодорожные магистрали, привел к тому, что советская власть от Поволжья до Дальнего Востока зашаталась, а белое движение набрало силу. Семенов базировался за границей и после неудач там и укрывался. Он воевал с красными, руководимыми Лазо на Даурском фронте, имея в составе китайских и монгольских наемников и японский «добровольческий» батальон и, потерпев поражение, был выброшен за границу. Причем дважды: в феврале и в июне, когда он был остановлен у станции Оловянная. Когда же начались чехословацкий мятеж и интервенция Японии и США на Дальнем Востоке, Семенов практически без боев дошел до Оловянной, где встретил восставших чехов, а затем до Читы, которую первой заняла японская дивизия (см. «О себе»). Очистку железнодорожной полосы в Забайкалье от красных Оой и Уорд обоснованно приписывают себе, а Семенов о ней и не пишет. Отступающие из Хабаровска отряды красных были потрепаны японцами, расстрелявшими их пароходы с моста. Больше Семенов походов не предпринимал, Западный фронт игнорировал и занимался только карательными операциями в своей читинской вотчине, вплоть до выхода из войны чехов и эвакуации из Забайкалья японцев. После этого он увел войска в Маньчжурию из Приморья, из которого лично, без войск был выброшен уже белыми. Набег армии Юденича на Петроград был организован Англией и Эстонией, ими же эта армия была и добита после поражения. Продвижение красных на Дальнем Востоке напрямую было связано с отступлением японцев. Их уход из Хабаровска, Имана, Спасска, Владивостока, с Северного Сахалина немедленно вел к бегству из этих мест белых, с боями или без них. Урегулирование Советами отношений с Польшей положило конец набегам савинковских и балаховичевских отрядов на Украину и Белоруссию, а договоренности с азиатскими соседями — к ликвидации Дутова, Анненкова и басмаческого движения. Белое движение оказалось в значительной мере заложником великих и соседних держав, заставлявших его служить своим интересам и предававших его, если дело не выгорало.

Во взаимоотношениях казачества с за-границей интересны не только прямые контакты, но и то, как влияли иностранцы на сами процессы, происходившие в период Гражданской войны, в том числе на начало и завершение военных действий в отдельных районах, а также как понимали белые роль иностранцев в своих победах и поражениях. Существенную роль играли личностные качества белых вождей и общественный резонанс. Отношение заграницы к казачьим атаманам было в разное время к разным лицам неодинаковым. Казачьи войска с атаманами антантовской и патриотической ориентации были вывезены из Новороссийска и Крыма и снисходительно получили приют в оккупированной части Турции, затем в Болгарии и Югославии, но после были брошены на произвол судьбы. Об их жизни за рубежом лучше всего говорят заголовки книг эмигранта Р. Гуля «Белые по черному» и «Жизнь на фукса». Нашему, прежде советскому читателю зарубежная жизнь белых известна по эмигрантским повестям А. Н. Толстого, пьесе Булгакова «Бег», а жизнь, точнее гибель, белых в Эстонии — по повести В. Шишкова «Пейпус-озеро» и другим ярким произведениям очевидцев и современников. Но главное, что их лидеры не преследовались, а некоторые из них, например, Пермикин и Шильников, использовались для давления на советские границы с Польшей, Китаем и на КВЖД. Ряд казачьих генералов вернулись в Советскую Россию (Секретев, командовавший казаками Слащев).

Иная судьба сложилась у наиболее одиозных, но прославляемых ныне атаманов Семенова, Краснова и его семейного клана, Шкуро, Покровского, Калмыкова, Анненкова, причастного к казачеству Унгерна, попавших во враги соседних с СССР и несоседних, но ориентированных на Антанту государств. По числу врагов внешних, как и внутренних, на первом месте среди гонимых вне конкуренции Семенов, о чем он сообщает сам в книге «О себе». Изгнанный из России красными и белыми, он был персоной нон грата в Китае. При

правителях догоминдановского периода он жил на нелегальном положении, преследуемый за жестокость по отношению к китайцам в зоне КВЖД и за свою роль в отторжении Монголии. Прятался он из-за этого и из-за своей прояпонской ориентации от маньчжурского милитариста Чжан Сюэ-ляна. За японско-фашистскую деятельность в Маньчжурии ему грозила смертная кара как от гоминдановцев, так и от коммунистов. То же было в Монголии после победы войск Сухэ-Батора и Максаржава и перехода на их сторону богдо-гегена. Тем более так было при правительстве Чойбалсана, открыто коммунистическом. Из сэттльментов Франции, Бельгии и Италии, находившихся в Пекине и Тяньцзине, он был выслан уже в 1921 году. Из Шанхая он был выставлен совместным решением руководства всех (!) сэттльментов. Попытка поездки в США была плачевной. Демонстрации протеста, повестки в суд по экономическим вопросам, плотный огонь прессы всех направлений (левой, еврейской, американской националистической) с обвинениями в уничтожении десятков тысяч женщин и детей, поголовной резне в шахтерских поселках, еврейских погромах, включая Ургу, и казнях американских пленных, перехваченных у красных. Эти обвинения были особенно поддержаны генералом Гревсом, бывшим командующим американскими войсками. Он утверждал, что жертвы Семенова были в тысячи раз более многочисленны, чем жертвы красных. Не простили ему и служения японцам в ущерб американским интересам. О поездке в Европу, учитывая из рук вон плохие взаимоотношения с английскими и французскими комиссарами, погромы красных, евреев, социалистов и левых всех мастей, Семенову, по собственным признаниям, пришлось забыть. Особенно заказана была дорога ему в Чехословакию, где хорошо помнили взаимоотношения семеновцев и чехов, переходившие в военные действия. Все это — из книги Семенова же. Кроме того, за ним бежала слава вора колчаковского золота, активно поддерживаемая белыми эмигрантами антантовского толка.

Калмыков, по мнению генерала Гревса, был «разбойником, убийцей и головорезом... и самым большим негодяем, которого я когда-либо встречал», как, впрочем, и Семенов. В Китае, после бегства из России, он был немедленно арестован и убит. И отнюдь не за уничтожение красных, евреев и австрийского оркестра военнопленных в Хабаровске, а за жестокость по отношению к китайцам и служение японцам. Со стороны Красного Креста и датского правительства к нему были претензии за повешение представителя Красного Креста — датчанина по национальности и за кражу у него миллиона рублей. Анненков за свои художества на приютившей его земле был выдан правительством Синьцзяна России, а Дутов убит красными при содействии местных властей. Покровский был убит в Болгарии при преследовании пограничной стражей за политическое убийство сторонника умеренно левого правительства, а Шкуро выслан из этой страны.

Краснов и его свита, а также Шкуро вместе с Султан-Гиреем были выданы СССР как генералы СС и фактические союзники Гитлера. При этом на Краснова у союзников был зуб еще за прогерманскую позицию в период Первой мировой войны. На выдачу Советскому Союзу эсэсовских атаманов и их воинства претендовали правительства Югославии, как коалиционное, так и Тито. Их ждало наказание за геноцид югославских, в частности сербского, народов, высоко державших знамя антифашистского сопротивления. В буржуазной Латвии юстиция жаждала принять в свои объятия «казака» Бермонта-Авалова с его калейдоскопическим набором отчеств, фамилий, национальностей и убеждений.

«Безумный барон» фон Унгерн всю свою военную карьеру служил в казачьих войсках, пройдя путь от хорунжего до генерал-майора (из рук Семенова) и генерал-лейтенанта (сам себе присвоил). Во время набега на Ургу в его войске преобладали казаки, а сам он объявлял себя подчиненным Семенова и носил на погонах буквы А.С. (атаман Семенов). Семенов в книге «О себе» признал, что самостоятельность набега Унгерна на Монголию была ложной. Фактически поход санкционировал Семенов. Там сей «казак» был связан монголами и выдан Советской России, где был осужден и казнен. Если бы его выдали Китаю, тогда враждебному Советам, его ожидало бы то же самое. Впрочем, заслужил он это и в самой Монголии.

Как белые понимали замыслы и деяния иностранных держав в российской гражданской войне? Постфактум, уже после поражения личного (Колчак) или всеобщего (Куприн, Деникин, Врангель), они поняли, что Антанта их движение предала, и многие из них уяснили, что их предали как слабых, неспособных победить и недостойных вложения капиталов. Но что «союзники» с самого начала использовали их в своих интересах, дошло до совсем немногих. В числе их генерал Я. Слащев (булгаковский Хлудов из «Бега»), талантливый военный, один из первых антисоветских повстанцев на Северном Кавказе, начинавший борьбу вместе со Шкуро в казачьих войсках. Хотя сам он не был казаком, но впоследствии оперативно руководил казачьими частями. Человек маятниковой судьбы, он до конца гражданской войны был непримирим к Советам и вешал красных рабочих и красных евреев на столбах. После поражения бежал из эмиграции в СССР, поступил на службу в Военную академию, но погиб от рук мстителя за казненного брата, еврея-большевика. Уже после Крыма в эмиграции он написал: «Союзники давали деньги, рассчитывая возместить свои расходы русским углем и нефтью. Началась разбойная политика крупного капитала. Появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей Добровольческую армию (интересное признание. А где народ? — В. Г.), стали как бы попирались интересами крупного международного

капитала». Непонятно даже, кто мог написать такое: лихой белогвардейский генерал, каратель к тому же, или лектор агитпропа? Может быть, это фальсификация того же агитпропа? Но нет, источник вполне достоверный. Цитата взята из книги «нового белого» С. Рыбаса о генерале Кутепове.

Претензии к Западу имел и кубанский атаман Науменко, слуга фашизма на высокой, но бутафорской должности члена Главного управления казачьих войск при Остминистериуме Розенберга. Помилованный Англией, он обрушился с обвинениями на нее и Черчилля в частности за выдачу казакофашистов советской власти. Это «великое предательство» и «измена». Кого и кому? Ведь военные казакофашисты однозначно принадлежали к стану воюющих врагов Англии и были выданы по легитимным соглашениям Ялты в рамках военно-юридических правил. Или лучше было выдать их югославам, коих они уничтожили более миллиона, и из них большинство — мирное население? За Англией в очереди на выдачу следовали США, Франция и новая Италия.

Увы, рекламируемые нашими СМИ казачьи атаманы не были героями в глазах соседних стран и нефашистской части мирового сообщества. А вот преступниками были.

Казачество и фашизм. Генералы Гражданской войны

Для России фашизм — явление чуждое, не свойственное самосознанию как русского человека, так и почти всех народов, живущих на территории России. Поэтому появление идеологии национал-социализма, а еще ранее итальянского фашизма, не вызвало влиятельного движения фашистского толка среди русской эмиграции. Фашистские организации были относительно малочисленными и возглавляли их лица, в основном нерусского происхождения: Родзаевский — в Харбине, Вонсяцкий в США, Светозаров-Пельхау, Деллан, Акшан, Гуго Ментчал, Меллер-Закомельский (родич известного карателя), убийца кадета Набокова Шабельский-Борк в Германии и во Франции Казем-бек. Русские антисоветские организации, как правило, не шли на контакт с фашистами, сохраняя ориентировку на Антанту. Иное дело украинские и прибалтийские организации, где тяга к фашизму была более значительной. На территории России фашизма фактически не было. Среди генералов Гражданской войны можно отметить колчаковца Сахарова, писавшего в своих «Вспоминаниях»: «Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его», — и генерала Бангерского, неясного русско-белорусско-польско-немецко-латышского происхождения, будущего Бангерскиса, командира дивизии СС «Латвия». Сахаров считал еще в двадцатые годы, что фашизм — единственная реальная альтернатива коммунизму («Дело не получило...»). На сделку с фашизмом были готовы некоторые главы РОВС, в том числе Миллер, ликвидированный за это ОГПУ. Но часть ровсовцев дожила до начала войны и встретила ее в рядах гитлеровцев (Штейфон, Абрамов).

Но в целом фашизм был позицией меньшинства белого движения.

Совсем иначе было у казаков, в рядах фашистов оказалась почти вся казачья верхушка: войсковые атаманы донские Краснов (экс-атаман) и Татаркин (действующий), забайкалец Семенов (у японских фашизоидов); выполнявшие в основном представительские функции кубанский атаман Науменко, астраханский Ляхов, терский Вдовенко, терский генерал Бичерахов, а также наиболее насоливший красным кубанец Шкуро; полуказачьи командиры, то есть горцы, командовавшие и казаками — Улагай и Султан-Гирей, руководитель РОВС Абрамов, руководитель партизанской войны на предгорной Кубани после эвакуации Новороссийска «бело-зеленый» генерал Фостиков, авиатор Ткачев, обыкновенные генералы Головин, Рубашкин, Харламов. Среди них как служившие Германии и Японии в Гражданскую войну Краснов с родней и Семенов, так и бывшие проантантовцы (все прочие), гонители Краснова и таманцев вместе с Гулым за их связь с немцами. Самая большая группа казачьих генералов-фашизоидов приход Гитлера встретила в Германии. Здесь по протекции специалиста по России Розенберга они вошли в официальную структуру его министерства (Остминистериум).

Генерал Семенов после захвата Японией Маньчжурии прибыл из Японии в новое государство Маньчжоу-Го. Здесь он подвизался в качестве генерал-лейтенанта Японии и главнокомандующего казачьих войск на службе Японии. Свои профашистские тенденции он декларирует в автобиографии. Предметы его восхищения — Гитлер, Муссолини, Франко и их режимы. Приветствуя их, он, однако, полагал, что России нужен несколько иной фашизм — «россиянство», и поучал харбинских фашистов Родзаевского, которым покровительствовал, держать чуть-чуть иной путь. По поводу прихода Гитлера к власти он (см. предисловие С. Кулешова к книге «Звезда и свастика». М., 1994) послал официальное приветствие триумфатору. Слал официальные салюты он и Франко. Кстати, Кулешов не шибко воюет с Семеновым, а пытается фашизм приравнять не к нему, влюбленному в фашизм, а к Бухарину.

Свою лепту в фашистское движение внесли и рядовые казаки: убийца французского президента Думерга казак с профашистской идеологией Горгулов и автор «Записок русского неуча» (название точное!) восхвалитель фашизма казак П. Ковган. Подлинным военным противником и жертвой фашизма был только казакующий Булак-Балахович. Насолил германским националистам еще в Латвии против Бермонта, он в дальнейшем в Польше связался с Пилсудским и его наследниками и встретил войну в 1939 году с оружием в руках. За все это он был расстрелян гитлеровцами.

В истории фашизма белое казачество выглядит наиболее скомпрометированным в сравнении с иными отрядами белого движения, патриотические и проантантовские крылья которого выступили против фашистов. Деникин заключил во имя победы над фашизмом временный мир с Советами и даже помогал французским подпольщикам-коммунистам. Многочисленные представители интеллигенции признали СССР, возникли активные группы Сопротивления (например Бунакова), ряд генералов: Ветренко, Дьяконов, корниловец-«первопоходец» Скоблин, кутеповский начштаба Доставалов, полицейский, он же колчаковский министр и сибирский атаман Иванов-Ринов перешли на службу советской разведке, а Скоблин помог НКВД захватить склонявшегося к союзу с Гитлером главу РОВСа генерала Миллера. Сдались морально Советам репатриированные в Россию казачьи генералы Соломахин, красновский нач-штаба, и авиатор Ткачев, оставшиеся в России. После амнистии 1955 года Ткачев подрабатывал к пенсии своими воспоминаниями. Вместе с ними осталась на Родине большая часть амнистированных казаков. В целом же среди казачьей верхушки знаковых фигур, лояльных союзникам, и патриотов практически не было.

Казачество и фашизм. Среднее поколение

Характерное для гражданской войны размежевание казачества на два лагеря — красный и белый, состоящий из двух фракций: проантантовской с включением в него белопатриотического казачества и прогерманской-прояпонской, в целом сохранилось, но количественные соотношения между ними резко изменились. В отличие от гражданской войны среди казачьего населения СССР в большинстве были патриоты и коммунистически настроенные казаки, которые составили основу конных войск Доватора и Белова (кадровые военные и довоенные призывники), а также Кириченко, Плиева, Горшкова и Осликовского, укомплектованные в основном добровольцами. Среди них наибольшую славу стяжал Краснознаменный Кубанский казачий кавалерийский корпус генералов Кириченко, а затем дважды Героя Советского Союза и кавалера высшей военной награды США Плиева. Корпус вступил в бой еще на стадии формирования в знаменитой операции под Кущевкой и остановил на время прорыв группы армий Клейста на Кавказ. В дальнейшем корпус сыграл ключевую роль в преследовании немцев от Ростова к Одессе, захвате снабжающей Одессу водоканчки на Днестре, лишившем немцев возможности удерживать Одессу, которую они сдали в паническом бегстве практически неразрушенной, и, наконец, в окружении в Белоруссии немецкого фронта после прорыва от Мозыря к Минску, с разрушением коммуникаций и разгромом тыла, закрепленного прошедшими по их следам танковыми колоннами.

Проантантовский лагерь, практически отсутствовавший среди казаков СССР, в эмиграции существенно уменьшился, а значительная часть казаков-эмигрантов перешла вслед за атаманами на сторону фашистов. Из казачьего населения СССР на сторону фашистов перешли в основном бывшие белогвардейцы и также идеологически дезориентированная часть военнопленных. При этом пропорции слуг фашизма в казачьих и неказачьих районах были относительно одинаковыми. Хотя немцы и пытались создать боевые казачьи части в своих рядах из жителей СССР, роль их была незначительной даже сравнительно с власовской РОА. Таким образом, молодежный и средний возрастной состав казачества имел в основном антифашистскую политическую ориентацию, а среди казачьих приспешников Гитлера преобладали шкурные или антибольшевистские мотивы, но не идейные фашистские. От последних спасшие свою шкуру после поражения немедленно отrekliсь и даже выдавали себя за некую третью силу, использующую фашизм как тупое несмыслящее орудие в борьбе с коммунизмом.

Казачество и фашизм. Последние поколения

В послевоенной России казачий фашизм исчез без всякой надежды на возрождение. Возникающие фашизоидные группы, клоунские по содержанию и ничтожные количественно, в казачьих районах не более часты, чем в других частях России и резко уступают таковым по всем параметрам в Прибалтике, на Западной Украине и (начало девяностых годов) в Молдавии. Более того: Кубань, Ставрополье, русский север Дагестана, Оренбуржье, юг Челябинской области, Омск и Курган, Забайкалье, Амурская область и Еврейская АО — эти традиционные казачьи районы во время выборов 1990-х годов проявили себя скорее как оплот левых и патриотических сил, чем как опора правительства.

Зато действующий казак — фашист сороковых годов рождения объявился на самом Дальнем Западе. Это фашист-казак международного класса в третьем поколении Мигуэль Краснов, внук генерала белой армии и СС С. Краснова, племянника П. Н. Краснова-Главного, коему (Главному) он доводится правнучатым племянником. С. Краснов, отец Мигуэля — тоже генерал, но гитлеровского производства и кавалер трех гитлеровских крестов. Два генерала Красновых окончили жизнь на виселице, отец — в лагере для военнопленных. Миша, крещенный в католичество Мигуэлем, был увезен матерью в Латинскую Америку, где по достижении возраста его пустили по военному делу. Известные события в Чили застали его в этой стране на службе в звании подполковника. Здесь его наследственность и воспитание оказались крайне необходимыми на должности смотрителя тысяч арестованных на стадионе в Сантьяго. Смерть поэта и певца Виктора Хары — это дело его рук. «Известия» в 2000 году взяли у него, уже генерала, интервью без иронии и брезгливости. Дон генерал знает, что «дон» — это и почетное обращение, и река, и местность, его прародина. Он ненавидит социализм (доказал на деле). О Шолохове, хотя он и нобелевский лауреат, и «Тихом Доне» даже не слышал, о чилийском нобелевце Пабло Неруде что-то слышал, но не читал. Ему по наследству передан фашизм, но не писательская жилка П. Краснова-Главного и даже не читательская. Ныне сей фашист в четвертом поколении привлечен в Чили к суду за массовые бессудные убийства.

Осанна поется любимцам нынешних СМИ — роду Красновых, сих носителей худших казачьих ценностей, лжепатриотов и псевдоинтеллигентов, международных палачей 1905—1907, 1917—1920, 1941—1945 и 1970 годов с транснациональной южнорусско-югославо-чилийской географией подвигов! Лишь они на святой Руси достойно несли знамя фашизма в четырех поколениях, даже оставшись в одиночестве среди казаков и среди русских вообще.

Последнее слово на могилах атаманов

Попытка героизации казачьих атаманов, к счастью, несостоятельна. Почти все они, о ком мы знаем подробно, грабители и палачи, неприемлемые для основной части белого движения, для соседних стран, цивилизованного мира и даже правителей буржуазных стран. Они — изменники Родины, ставшие на услужение кайзеру и микадо, позже — служившие фашизму. Кто не за-служил явно такого клейма? Мартиролог почти исчерпан, остаются немногие, но не обо всех автор располагает подробными данными. Может быть, кто рано погиб (Каледин, Богаевский)? Но никак не своевольник и супермародер Мамонтов. Или тот, кто умер между войнами (А. Богаевский)? Или кто перешел к Советам явно (Секретев, Слашев) или тайно — секретным агентом (Иванов-Ринов)? Или кто-то, казненный фашистами? Но никак не Булак-Балахович, садист-вешатель и грабитель, проклятый самими белыми. Или уничтоженные белыми кубанские сепаратисты Калабухов и Рябовол? Или бунтовавший сперва против белых, потом против красных и закончивший жизнь разбойником Яков Фомин? Или низвергатель Каледина, а затем перебежчик к белым, ими же и убитый, Голубов?

В калейдоскопе этих разных исторических фигур у палачей, фашистов, врагов Родины и всего цивилизованного и нецивилизованного мира Семенова, Красновых, Шкуро, Калмыкова, Анненкова, Дутова и всей галереи атаманов, пошедших на службу к Гитлеру, очередь на пьедестал славы — последняя. Пусть их прославляют Газманов и Розенбаум, сии подлинно казачьи барды. История отдыхает.

Заключение

Да, существовала некоторое время надежда, что сезам откроется, из схронов хлынет героическая литература и над Россией воссияет благородный образ белого воина, великого белого вождя, великой белой армии мудрых, честных, справедливых, благородных, патриотичных защитников и выразителей интересов всего народа, абсолютно лояльных к доброму и милосердному Западу. Массового пользователя СМИ подводили к этому и газетные заметки, и телепередачи, и песенки прикормленных эстрадников. Эти герои завоюют-де умы и сердца народа и выкорчуют из народного сознания остатки добрых чувств к злым коммунистическим героям. Увы! Чуда не произошло.

В целом же, вышедшая в последние годы литература — груз, который тянет белого героя на дно. Ее издателей нельзя обвинять в желании навредить, ибо они руководствовались стремлением дать читателю исторический документ. Именно таким памятником истории являются мемуары Деникина, Врангеля, Болдырева, Сахарова и небелых врагов Советов — Махно, Савинкова (почти мемуары) и махновца Аршинова. Произведения же Литовченко, Донскова, Вавилова да и великого Куприна тож, который, впрочем, в сем покаялся, — только лишь памятники распада или, мягко скажем, ограниченности исторической правды белого движения, на этапах либо его полного разложения, либо перерождения в фашизм. Они — оружие в руках их недоброхотов. Мемуары Семенова и Шкуро — это совмещение того и другого в одном флаконе. Уровень ущерба идее,

которой служили авторы рассмотренных книг, снижают только низкий читательский интерес и убогие тиражи «белой» литературы, реанимированной в последние годы.

Иное дело — апокрифы, созданные в наше время коммунистическими перерожденцами и профессионалами пера, чутко улавливающими политическую конъюнктуру и руководимыми прямым заказом или стремлением, отскоблив себя от красной краски, погрузиться с головой в бочку с белой, в надежде, что это приведет к хорошему заработку. Не могут в качестве свидетельства истины выступать труды таких одиозных авторов как экс-бонзы агитпропа А. Н. Яковлев и Волгогонов. Невысока ценность таких новинок литературы, как многочисленные биографии-панегирики Колчака, написанные питомцами советских детских садов Рыбасом, Поволяевым и другими. Нет, не родился в нашей культуре белый герой, хотя бы отдаленно сравнимый по масштабу личности, по своему влиянию на народ с Кожухом, Чапаевым, Щорсом, Павкой Корчагиным, с фадеевскими Метелицей и Левинсоном, толстовскими Телегиным и Роциным, с казачьими атаманами Кириченко и Плиевым...

И теперь уже ясно — не появится такой герой никогда! Нет для этого никаких оснований.

Блог: <http://dsaslips.blogspot.com>

Писать, общаться: GMail/GTalk аккаунт: sergey.dolin